

Р. Г. НАЗИРОВ,
доцент Башгосуниверситета

Сто девяносто лет назад, 26 мая (6 июня) 1799 года, в Москве родился Александр Пушкин.

Что можно добавить к сотням тысяч книг и статей, посвященных гениальному поэту, основоположнику новой русской литературы? Думается, можно высказать несколько мыслей о его современном значении, о том, как звучит его слово сегодня: ведь ушедший от нас гений продолжает светить потомкам, как летит в неизмеримом пространстве космоса свет уже угасшей звезды.

Посмертные судьбы поэтов зависят от запросов и интересов новых веков. Уютные финалы романов Диккенса, когда счастливые герои объединяются у жарко растопленного каминя, вряд ли сегодня растрогают даже англичан. В мире меньше читают Байрона и Ламартина, в нашей стране ослабевает читательский интерес к Тургеневу и совсем мало читается Салтыков-Шедрин. Здесь не место обсуждать причины этих явлений. Давайте подумаем о другом: почему не увядает, почему так свежо воспринимается созданное Пушкиным?

Один из возможных ответов — это **многогранность** Пушкина. Он как бы удивительный самородок, включающий и золото, и серебро, и простую породу: он блещет и переливается, когда поворачивает его разными гранями. Есть Пушкин «для детей», есть Пушкин для юношества, есть Пушкин для взрослых людей и для людей, умудренных прожитой жизнью. Он охватил все литературные жанры, от сказки до трагедии. По мнению нашего земляка, литературоведа В. А. Зарецкого (г. Стерлитамак), Пуш-

кин сознательно строил свое творчество как подную и законченную систему, как **целую литературу**. Он стремился создать в русской литературе образцы всех жанров. Это стремление было бескорыстным и лишенным тщеславия. Прочтя «Конька-горбунка», Пушкин пригласил к себе в гости 19-летнего студента Петра Ершова, автора сказки, и в долгой беседе с ним проронил: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Он понял, что жанр стихотворной сказки народного типа упрочился в русской поэзии: значит, он, Пушкин, может заняться другим делом (правда, после этого он еще написал «Золотого петушка»).

Но многогранность Пушкина к этому не сводится. Он создавал произведения разной степени важности, пробовал разные манеры и легко, порою даже небрежно, экспериментировал, ибо не любил вечной серьезности. Ведь это неправда, будто каждая строчка, вышедшая из-под пера Пушкина, — совершенство; неправда, будто он писал одни шедевры. У него есть вещи **относительно слабые**, в том числе изучаемый в школе роман «Дубровский»: в нем Пушкин попробовал приложить к русской действительности шаблоны европейского авантюрного романа Полу чилось неинтересно. Пушкин охладил к роману и бросил на полпути, не дописав. Он не виноват, что из «Дубровского» Эдуард Направник сделал плохую оперу, а мы полвека заставляем учащихся выискивать в слабом и необработанном тексте «социальные мотивы» и «революционные идеи».

Зато гениальная повесть «Пиковая дама» до сего дня не заняла своего места в школьном преподавании: быть может, составители программ боятся, что дети изучатся у Германа копить деньги или обманывать девушек? Но ведь Пушкин показал в повести крах честолюбца и его ужасный конец. Думается, учителю средней школы стоит подробнее ознакомиться

старшеклассников с «Пиковой дамой».

В центре всего творчества Пушкина стоит великий роман «Евгений Онегин», впервые создавший русский тип мирового значения — тоскующего денди Онегина, который презирает свою среду, но не в силах порвать с ней. Отношение к Онегину у русских читателей постоянно менялось, уже в 1862 году его затмил Базаров, прозванный «Онегиным шестидесятих годов». На рубеже XIX и XX веков Г. В. Плеханов заявил: «Господин Онегин не интересен рабочему человеку». Мне кажется, это ошибка: всегда читателям будет интересен этот скептик, сознающий бесплодность своего скептицизма. Особенно нравится мне Онегин VIII главы, когда он «упал с ходуль», больно ушибся и заговорил голосом живой, человеческой страсти:

*Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб приблизилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...*

Но превыше всего стоит в романе образ Татьяны — воплощение лучших черт русского национального характера: доброты, прямодушия, высокого чувства и верности долгу. Разве эти чувства не современные? По-моему, мы сегодня в них остро нуждаемся.

И все же важнейшим творением Пушкина сегодня представляется «Медный всадник» — величайшая из поэм, когда-либо написанных на русском языке. Нас не должен обманывать начальный гимн Петербургу и облагороженный образ Петра I: ведь сам же Пушкин сказал однажды, что некоторые особенно жестокие указы Петра как будто «написаны кнутом». Кульминация этой поэмы — не петербургское наводнение 1824 года, а бунт Евгения против грозного «кумира на бронзовом коне». Этот кумир — не живой Петр с его подвигами, его преступлениями и его человеческой противоречивостью; статуя становится символом бездушной государственности, равнодушной к страданиям людей.

Центральная проблема поэмы — противоречие государственности и личности. Для Пушкина ценность национального государства несомненна; он восхваляет созидательную деятельность Петра. Но слепое преклонение перед государством требует признать, что в ходе исторического прогресса жертвы неизбежны. Вот этого-то Пушкин и не желает признавать. Устами безумца Евгения поэт выразил протест против поглощения личности государством.

И мы сегодня задаемся таким же, в сущности, вопросом: неужели для построения нашего государства были необходимы миллионы невинно загубленных человеческих жизней? И мы вместе с Пушкиным требуем от государства искать бескровных путей и творить новое, не разрушая живого. Как указывал советский пушкинист С. М. Бонди, конфликт между «кумиром» (воплощением абстрактной необходимости) и личностью оказывается в поэме Пушкина трагически неразрешимым. Наша сегодняшняя перестройка направлена именно на разрешение этого конфликта.

Думается, что в старших классах советской школы ничто так сильно не помогло бы осмыслению задач нашей эпохи, как изучение поэмы «Медный всадник». И ничто иное не доказало бы так же наглядно, что вершины русской классики и сегодня возвышаются над горизонтом нашей повседневности.

Многогранность Пушкина проявляется и в том, как глубоко он осознал свою принадлежность к стране, которую населяют сто народов и племен. Русский поэт, он был полон неподдельного интереса к тем, кого официальная документация эпохи называла «инородцами». Он воспел и украинскую ночь, и красавицу-калмычку, и горы Кавказа, и башкирскую степь. В поэме «Бахчисарайский фонтан» он попытался (еще романтически) освоить экзотику мусульманского Востока; в «Капитанской дочке» показал закономерность неукротимого башкирского бунтарства (образ башкира с отрезанным языком). Патриот своей страны, гордившийся русскими победами и русской славой, он в то же время был чужд национальной ограниченности и никогда не страдал отвратительной болезнью шовинизма.

Вульгарные, расхожие байки и слухи представляют Пушкина легкомысленным человеком, который скачет по жизни, как кузнечик, и останавливается отдохнуть то у одних, то у других женских ножек. Все это легенды, порожденные шутками самого Пушкина в салонах любопытных светских дам. На самом деле поэт мог бы всем нам служить примером бескомпромиссного суда над самим собой и стоического мужества. Напомню лишь завершение пронзительно-покаянного «Воспоминания»:

*...И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проklinаю,
И горько жалуясь, и горько слезы*

*лью,
Но строк печальных не смываю.*

А в его «Предчувствии» звучит вопрос, обращенный к самому себе.

*Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

Такие стихи укрепляют душу: мы должны быть непреклонны в своем призвании, но терпеливы. И как поучителен для нас пример пушкинского оптимизма! Ведь он хорошо знал о подстерегающих его опасностях, но верил в счастье. Он изумительно сказал в письме к своему другу Плетневу: «Были бы мы живы, будем и счастливы».

Бодрящий оптимизм Пушкина, прямо глядящего в лицо опасности, его «презренье к судьбе» и его, по слову В. Г. Белинского, «лелеющая душу гуманность» делают поэта одним из лучших **учителей жизни**, наставником добра и мужества.

Здесь нам нужно еще раз упомянуть о застарелых стереотипах нашего школьного преподавания литературы. Пылкое романтическое бунтарство юного Пушкина многие пытаются, вопреки историческим фактам, «растянуть» на все его творчество. Этот благонамеренный обман никому не нужен, да и нельзя обмануть читателей Пушкина картонной фигуркой «поэта-революционера»: ведь любой может прочесть его стихотворение «Свободы сеятель пустынный», выражающее скептическую отрешенность от революционных бурь, или замечание о бессмысленности «русского бунта» в пропущенной главе «Капитанской дочки». Пушкин был врагом деспотизма, но не был революционером. Идеологически он является предшественником русского либерализма.

Есть у него и прямые ошибки: таков целый ряд стихов, в которых он поддерживает поплавление польского восстания 1830—1831 годов. Но что же из этого следует?

Пушкин совершал политические ошибки и даже допускал художественные промахи, как, например, «Дубровский» или изящно-пусговатая «Барышня-крестьянка», но он обладал безошибочным **нравственным** чутьем и никогда не боялся правды. От художника нам нужно прежде всего искусство и правда жизни, а не рецепты политических устроений. А. П. Чехов был прав, утверждая, что дело художника — ставить перед обществом **проблемы**, а не решать их. Решение — это дело всего общества в целом.

В И. Ленин не принимал никаких решений Льва Толстого, но восхищался

силой его критики и преклонялся перед его творческим гением. Он считал его «зеркалом русской революции», но отнюдь не революционером. Зачем же нам расписывать всех классиков — от Пушкина до Чехова, без разбора — в цвет нашего знамени? Эта неуклюжая подделка может только навредить идейно-политическому воспитанию учащихся: ведь они инстинктивно чувствуют ее фальшь.

Пушкинское утверждение свободы и самоценности каждой человеческой личности независимо от национальности, социального происхождения и ранга; пушкинское прославление любви и братская теплота к людям; пушкинское требование непредвзятого исследования жизни, лежащее в основе русского реализма; наконец, его призыв «не оспаривай глупца», столь злободневный для некоторых литературных полемика наших дней, — все это представляется мне чрезвычайно злободневным и необходимым сегодня, настолько необходимым, что без этих черт нельзя себе и представить передового человека советского общества.

Жизнь Пушкина была сложной и бурной, а его трагический конец — прекрасным и возвышенным. Он погиб в борьбе за свое личное достоинство и честь своей семьи: дело святое. Он умер незапятнанным. В 1880 году в Москве был воздвигнут великолепный памятник Пушкину, затем появились и другие памятники; его произведения перевелись в разных странах мира. В 1895 году умер барон Геккерн, который в молодости назывался Дантес. Он прожил 83 года. Может быть, это хорошо, что он долго жил. Он мог наблюдать, как растет всемирная слава Пушкина; может быть, дряхлый подлец уже понимал, что его позорное имя останется лишь строчкой в биографии гения.

Он ничего не мог поделать. Дочь Дантеса, поклонница пушкинского творчества, старалась не разговаривать с отцом, а он не входил в ее комнату, украшенную портретами Пушкина и полную его книг. И мне чудится, бессильная злоба все же иногда покаялась за черствелую душу этого человека. Что он мог поделать против славы убитого им Пушкина? Сколько людей нужно убить, чтобы заглушить эту славу?

Можно пулей уничтожить хрупкую жизнь поэта, но ничем нельзя убить свет великой души.

Если продемонстрировать ее в действии, на конкретном примере, то выглядит она всегда примерно так:

ТРУДОЛЮБИВЫЙ

усердный	трудолюбивый	небрежный
старательный	трудолюбивый	пассивный
прилежный	трудолюбивый	халатный
исполнительный	трудолюбивый	ленивый
обязательный	трудолюбивый	необязательный

Ну, покатали и избранное слово «трудолюбивый!» Покатали. А теперь самое время пояснить, за что мы его отблагодарили, покатав?

Я намеренно употребила эпитет «избранное слово», говоря о том слове, с которым мы работаем по блок-модели Тяни-Толкай.

За какие такие необыкновенные достоинства оно возведено в элитарный ранг «избранного»?

Вся разгадка состоит в том, что очень часто, если не сказать ежеурочно, я привлекаю в качестве классного рабочего материала не упражнения из учебника, а преимущественно тексты с фабульной начинкой. Среди них басни великого Эзопа, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, Мажита Гафури, С. В. Михалкова.

Разумеется, я предварительно адаптирую их в лексико-грамматическом отношении в соответствии с программными требованиями.

И вот, «переварив» очередную басню, из всего пласта поучений мы избираем то единственное — самое главное! — слово, которое подсказывает нам, каким должен быть человек, если он хочет иметь верных друзей, если хочет, чтобы его уважали, с ним считались, его любили, о нем заботились.

Ну, а поскольку это «наиглавнейшее» слово учит нас уму-разуму, выводит нас в люди, оказывает нам такую громадную услугу, то в благодарности за это мы и избираем его и с удовольствием катаем на нашем любимом «коньке» по имени Тяни-Толкай.

Оглядываясь на определенный наработанный материал, могу с уверенностью сказать, что эта лексическая модель очень благодарна и благодатна. В результате многочисленных тренировочных упражнений по этой блок-модели у учащихся оттачивается не просто лексическое чутье, но в некотором роде и терминологическая — я бы сказала — прихотливость. Как следствие такой

скрупулезной словесной работы у учащихся вырабатывается потребность совершенно осознанно востребовать нужное слово при работе не только над сочинениями, изложениями, но также и в устной речи. Скажем, при пересказах на уроках чтения. И порой избрание слова идет даже на нюансовом уровне!

Исходя из своих, как я их называю, «лабораторных исследований», то есть сравнивая тот слоговой стиль в сочинениях моих учеников, который считался средней нормой «до Тяни-Толкай» с тем слогом, которым владеют ученики сейчас, с радостью отмечаю, что при работе по этой блок-модели даже у среднего ученика заметно расширяется диапазон активного словаря, утончается палитра всевозможных «обертонов» его словарного багажа.

Уже второклассник прекрасно владеет многими оттенками слова, он способен вполне уместно «имплантировать». Его Величество Слово в логичную и красочную ткань своего повествования, равно как устного, так и письменного.

В подтверждение этого хотелось бы подчеркнуть, что и устная речь также обогащается и становится более непринужденной, а следовательно, можно говорить и об определенных успехах по развитию речи на уроках чтения. При пересказах текстов ученики чувствуют себя намного маневренней, раскованней, уверенней с подбором слов. И все это прочно вырабатывается у учащихся благодаря ежедневной работе над блоком понятий синоним + антоним + родственные слова.

Ну, а теперь о том, что представляет из себя эта «чудо-модель Тяни-Толкай».

Во-первых, она очень зрелищна, симпатична, функциональна и, главное, проста в исполнении.

На листе ватмана рисуется тот самый с детства любимый двуглавый Тяни-Толкай, одна голова которого изображается непременно веселой, озаренной белозубой улыбкой. Другая же головка рисуется понурой, с печальными глазами, опущенными долу.

Конечно же, вы уже догадались, что одна из головок символизирует синоним, а другая олицетворяет собой антоним. (Разумеется, к какой голове что адресовано — диктуется контекстом).

Вдоль всего туловища, по самой «кромке» животика этого Тяни-Толкай пристрачивается прозрачный и ровный полиэтиленовый карман. Вот в этот